

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

ЧЕЛОВЕКУ НУЖЕН ВЕСЬ МИР...

*Возврат
Воскресит
Нашим!*

1911, 18

Антон Чехов

1860 – 1904

«Ах, свобода, свобода!
Даже намек, даже
слабая надежда на ее
возможность дает душе
крылья, не правда ли?»

Чехов более чем кто-либо из писателей его времени, жил по правилам мыслителей древности, то есть «исповедовал то, что проповедовал».

Писал он, как и жил, в полном соответствии со своей формулой: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

И на самом деле этот человек и жил прекрасно, и писал прекрасно, что, между прочим, большая редкость. И при этом еще имел деликатность не напрашиваться в классные руководители человечеству...

А.П. Чехов. 1881-1882

Многие из российских писателей любили посетовать на судьбу. Чехов тоже не всегда жаловал свою жизнь, а между тем первый же его рассказ был принят и напечатан, никогда он не знал особой нужды, еще при жизни был признан великим, дружил с лучшими людьми своего времени, любил красавиц и был любим красавицами, видел рай – Цейлон и ад в образе Сахалина...

*В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна...*

Александр Блок «Возмездие»

К. Победоносцев

Александр III

С началом царствования Александра III Россия вступила в эпоху суровости и подозрительности. Под влиянием генерального прокурора Священного Синода Константина Победоносцева, личного советника царя, вся интеллектуальная жизнь в стране замерла. Малейшее личное мнение казалось пагубным, воспринималось как подрывная деятельность.

После первоначальной издательской «чистки» за дело брался официальный цензор со своим толстым синим карандашом. В самых невинных фразах этот блюститель гражданского духа видел неприятные намеки на царя, на армию, на религию, на семейные устои. Многие рассказы Чехова были таким образом изуродованы или отвергнуты.

«И все же Чехову, наделенному темпераментом не бунтаря, но нежного и скептического наблюдателя человеческой природы, удавалось более или менее приспособиться к столь угнетающей обстановке. Он в своих коротеньких историях кропотливо, смиренно и верно выписывал гигантскую картину современной российской действительности.

Здесь бок о бок существовали все персонажи повседневной жизни, чьи привычки и причуды он подмечал в городах и селах: грубые и неотесанные мужики, праздные помещики, наполовину разоренные освобождением крепостных, студенты, опьяненные великими и наивными идеями, разочарованные профессора, неудачливые медики, лавочники, уткнувшиеся в свои

*Симаков И.В.
Чехов А. П. Злоумышленник.*

счетные книги, продажные чиновники, мелочь общества. Этим жалким существам он сочинял неприятности под стать их характерам. Нанизывая незначительные реплики, намекал на головокружительную тайну, скрытую за этим однообразным фоном. Абсурдность «повседневного» бросалась в глаза читателю, хотя автор и не вмешивался открыто, не гнул свою линию. Ни обличительных, ни защитительных речей — одна неприкрытая правда. Фотографическая».

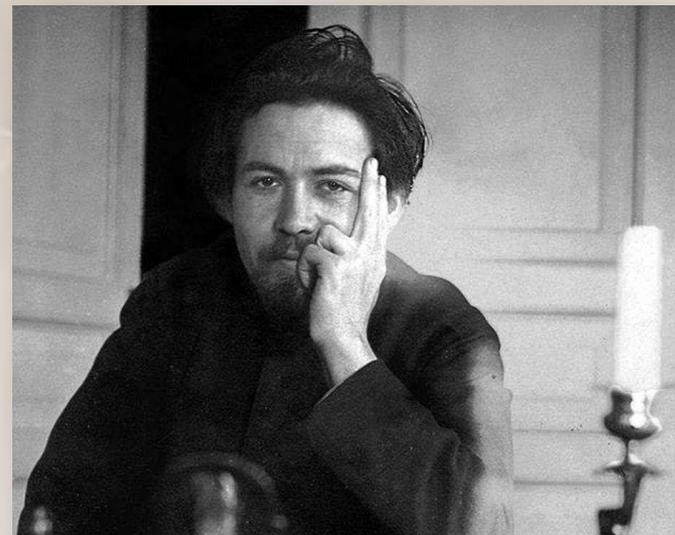
То ли это было свойство его писательского глаза – различать в самых будничных обстоятельствах художественное зерно, то ли это именно российская жизнь окружала писателя чистой литературой, но герои Чехова постоянно сопровождали его по жизни.

Он жил бок о бок с «человеком в футляре», ездил на вскрытие с «ионычами», чаевничал с симпатичными артиллерийскими офицерами, лечил чудных девушек из обедневших дворянских гнезд и бывал на вечеринках у «попрыгуний».

Пройдет время, Чехов узнает жизнь столиц, увидит Рим, Париж, Колумбо, трезво оценит Европу, но непреодолимое чувство – тяга к «другому миру» – в пространстве ли (в Алжир, на Север), во времени ли (через 200 – 300 лет) – останется, и не раз он выскажет его сам и выскажут его герои.

Таганрог называли «краешком Европы», но и этого «краешка» было достаточно, чтобы ощутить, «как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен» заштатный российский город, и навсегда получить никогда не проходящее отвращение к этой лени и грязи. Врачебное образование еще более в этом его укрепит. И молодой Чехов уже будет удивлять современников – откуда у юноши из провинции такой врожденный вкус к изяществу и «непровинциальным» формам жизни.

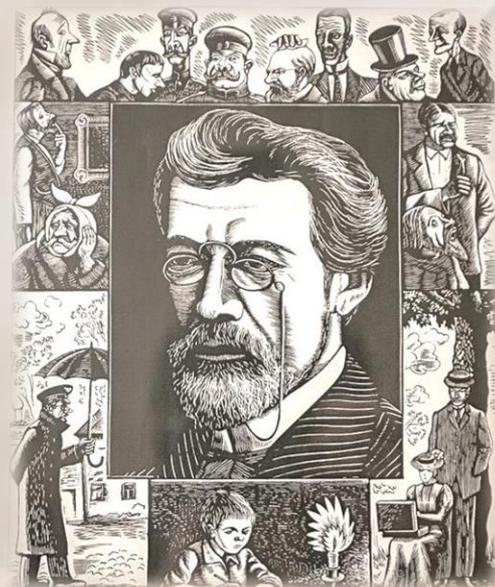

Его внимательность к гигиенической стороне жизни отдельного человека и города в целом – удивительна. На что он обращает внимание на площади Святого Марка в Венеции? Что она «чиста, как паркет»!

«Чеховский интеллигент... Вот поминаемое все, но совершенно мифическое существо, ибо – кто он таков? Доктор Дымов? Доктор Ионыч? Доктор Львов – или, наоборот, обличаемый им доктор Иванов? Какой-нибудь адвокат, циник и жох, коим несть числа в прозе Чехова и Чехонте? А может, сам Антон Павлович? Но сам доктор Чехов был очень неоднозначен в высказываниях об интеллигенции.»

«Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях. Где вырождение и апатия, там равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме»

(Письмо Суворину от 27 декабря 1889 г.)

Воспитанные люди «не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу...». Трудно себе представить, чтобы Толстой или Достоевский при обсуждении сущности личности стали говорить обо всем этом. Для Чехова же это неотъемлемая часть его этического идеала.

«Чехов никогда не возвышает голоса. Ни одного лишнего, громкого слова. Он говорит о самом святом и страшном так же просто, как о самом обыкновенном, житейском; о любви и о смерти — так же спокойно, как о лучшем способе «закусывать рюмку водки соленым рыжиком». Он всегда спокоен, или всегда кажется спокойным. Чем внутри взволнованнее, тем снаружи спокойнее; чем сильнее чувство, тем тише слова.»

Простота Чехова такова, что от нее порой становится жутко: кажется, еще шаг по этому пути — и конец искусству, конец самой жизни; простота будет пустота — небытие; так просто, что как будто и нет ничего, и надо пристально вглядываться, чтобы увидеть в этом почти ничего — все.

От Гомера до декадентов, — сколько потрачено великолепных сравнений для описания грозы. Вот как ее описывает Чехов:

«Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошелся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо».

Чехов никогда не сказал бы о себе: «я — хороший писатель». Но он много раз говорил: «я — хороший врач». И ему не все верили, хотя он был естественником и врачом очень серьезной школы, а постоянная врачебная практика имела для его творчества определяющее значение: *«Не будь у меня медицины... я свой досуг и свои мысли едва ли отдавал бы литературе».*

Саврасов А.К. «Перед грозой»

Высказывания Чехова о вещах, в которых он не считал себя специалистом, отличались крайней сдержанностью и осторожностью. Особенно ясно это проявлялось в отношении к философии, где серьезные «общие идеи» с легкостью становились общими местами, расхожим словом бытового словаря. Как заметил герой «Палаты № 6», «в России философствуют все, даже мелюзга».

Ванецян А. «Палата №6»

И при жизни Чехова, и долгое время спустя критика утверждала, что писатель совершенно не был мыслителем, в то время как он — и в этом, быть может, заключена вся суть проблемы — органически не переносил дилетантизма в строгих областях научного знания.

Чехов не унаследовал той домостроевской нетерпимой религиозности, какая царила в доме его отца. Было нечто более глубокое, содержательное и сложное, что следовало бы назвать христианской цивилизованностью — с особенным отношением к национальной истории, к истории вообще; с верою в то, что она в своем движении поступательна и преемственна — начиная с того первоначального духовного усилия, о котором он писал в любимом своем рассказе «Студент»:

«Студент... подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям... Правда и красота, направлявшие человеческую жизнь

там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле...».

Художественный мир Чехова, если можно так выразиться, полностью отделен от церкви и государства, как и создатель его был свободен от верноподданничества: «Не создан я для обязанностей и священного долга».

Распад «устоев» тысячелетних патриархальных основ, на которых стояла дочеховская Русь, — это наряду с прочим крушение веры, сомнение и разуверение в истинах православия, раскрывшееся в пророчествах Гоголя, в крайностях и противоречиях Льва Толстого, безднах Достоевского, иронической трезвости и печали Чехова.

Жизнь уходила от старой веры с ее святынями все дальше и дальше; люди переставали молиться, они хотели знать. Наступил кризис религиозного сознания, совпадавший по времени с расцветом естественнонаучных взглядов на мир, с глубокими сдвигами в химии, математике, физике, медицине. Достоевский предчувствовал этот кризис, Чехов его переживал.

Чехова занимали не inferнальные бездны религиозной одержимости, не воинствующий атеизм, а возникающее с утратой веры душевное одиночество: боги отцов развенчаны, «вера есть предрассудок, тщетная попытка консервативных умов продолжать то, что уже отслужило свою службу и... сходит со сцены»; прошлого нет, а наступит ли будущее и что оно принесет — «если бы знать, если бы знать...»

«Мы будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалятся над нами, и мы увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную. Мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнем...

Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка... Мы отдохнем...»

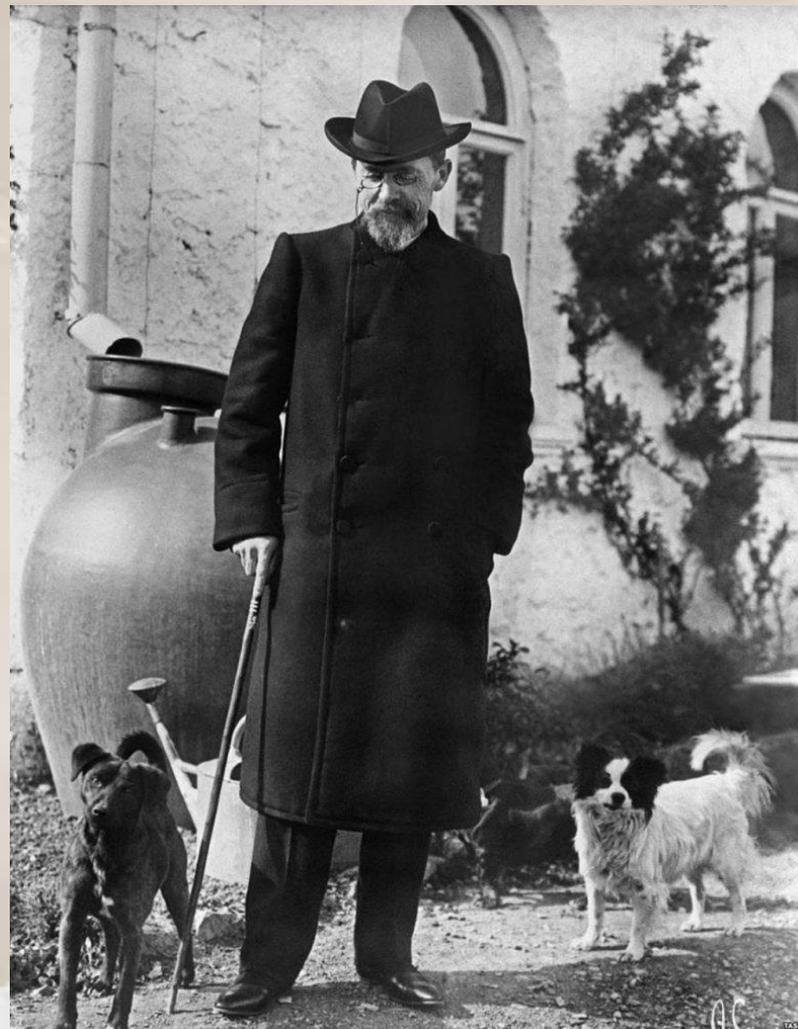
«Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало» (*Записная книжка*).

Колокола в чеховской Москве звонят еще, и Чехов любит их древний тяжелый звон, но что же делать: это звон затонувших колоколов...

«Писатель, если можно так выразиться, есть тот педагог, который сам был воспитан необычным путем, и воспитание всегда идет у него рука об руку с борьбой с самим собой; это — взаимопроникновение внутреннего и внешнего, борьба одновременно со своим «я» и с миром», — заметил однажды Томас Манн.

Так было и у Чехова — боренья с миром и собой, и необычное воспитание, и все прочее, о чем в его письмах сказано довольно много, правда, гораздо спокойнее, без высоких слов. Путь от первой пьесы и «Осколков» до десятитомника, завершившего жизнь, длился четверть века. У Чехова была задача, как у всех больших писателей, и своя незадача, как ни у кого из них. Он жил не в Германии с ее благовоспитанностью, традициями и порядком, а в России переходной поры, в стране, еще не опомнившейся от крепостничества, в семействе из тех, которые Достоевский называл «случайными», среди приниженных и обделенных судьбою людей.

«Не нравится мне одно: зачем ты величаешь свою особу «ничтожным и незаметным братишкой». Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай, знаешь где? Перед Богом... пред умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей, нужно признавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность. Не смешивай «смиряться» и «признавать свое ничтожество», — было написано еще в 1879 году в Таганроге.

Предчувствие и жажду свободы, «духовную жажду» Чехов перенес из мира пушкинского романтизма в прозаический и обыденный, да к тому же еще и провинциальный мир, где свобода кажется недостижимой даже во сне, где нет места для романтических иллюзий. Но в том и суть, что свобода у Чехова — и в творчестве его, и в жизни — не лирический идеал, не возвеличенный и оплаканный призрак, а замысел и задача, которую нужно решить.

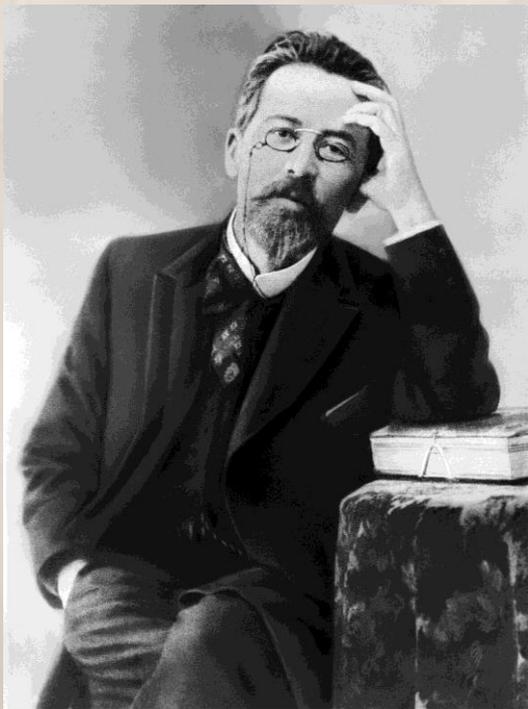
Чехов родился за год до отмены крепостного права, и на долю его поколения. — чеховского поколения русских людей — выпала суровая судьба. Крепостническая Русь распадалась, вместе с ней распадался древний закон жизни, весь ее порядок и уклад.

Подростки и юноши, вступавшие в жизнь, хорошо знали, что такое крепостничество, но они не знали еще, что такое свобода, и не умели пользоваться «волей», о которой говорилось столько громких фраз. Само представление о свободе нужно было еще уяснить и усвоить, положить в основание жизни и передать тем, кто придет вослед. Это, собственно, и совершил Чехов — писатель и человек.

*Карандашный портрет А. П. Чехова. 1903,
художник Николай Захарович Панов*

Линия его жизни — это сдержанное, суровое, полное внутренней иронии сопротивление той властной официальной силе, которая, суля и величая, обязывает нужного ей человека и в конце концов опутывает его по рукам и ногам.

Горький разглядел самую суть Чехова: «Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющийся человек, которого я видел».

Чехов в совершенстве владел искусством, которое в России дается едва ли не труднее любого другого: он владел собою, умел жить, не теряя формы и не падая духом, работать не покладая рук; его недолгая жизнь прошла без острых кризисов и «переломов», столь обычных в биографиях больших писателей. Он был одарен от природы не только талантом, но еще

и счастливым характером без крайностей, неуравновешенности и бездн. Та же природа на опыте, на ошибках, о которых мы мало знаем, научила его мужеству и терпению, и ничего — ни часа, ни строчки — не дала ему даром. О. Л. Книппер, удивлявшейся спокойному и ровному строю его жизни, он написал: «Ты пишешь, что завидуешь моему характеру. Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчив... но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает».

В последние годы жизни Чехов пометил в записной книжке: «Нигде так не давит авторитет, как у нас, русских, приниженных вековым рабством, боящихся свободы... Мы переутомились от раболепства и лицемерия».

Психологию страха Чехов исследовал чрезвычайно подробно, как, может быть, никто другой в нашей и в мировой литературе.

Среди персонажей Чехова много влиятельных лиц: генералы, губернаторы, тайные советники, миллионеры — всех и не пересчитать. Но лицо, которое держит в руках весь чеховский город, лишь одно: Человек в футляре. Где властвует страх, там владычествует ничтожество, и Чехов хотел, чтобы люди поняли эту мрачную логику, эту диалектику страха.

«Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние десять-пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боятся помогать бедным, учиться грамоте... Мыслящие, порядочные, читают и Щедрина, и Тургенева, разных там Боклей и прочее, а вот подчинились же, терпели... То-то вот оно и есть».

В Беликове снижена и развенчана тема тиранической власти, древняя тема, воплощавшаяся в старой литературе в образах такого масштаба, как шекспировский Макбет, например. Разумеется, нельзя и вообразить себе, что у Макбета «маленькое лицо — знаете, маленькое лицо, как у хорька», но Макбет в отличие от Беликова вообще немислим в пропорциях реальной жизни, в буднях, в быту. Чехов развенчал трагедийный образ, лишил его даже тени величия, потому что тиран велик лишь в глазах раба, в глазах свободного человека тиран — ничтожество.

«Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!»

В рассказах Чехова завершилась тема маленького человека — трогательная тема Гоголя и Достоевского, поднявших малость и унижение до трагедийных высот. Чехову принадлежат удивительные слова о человеке, в котором все должно быть прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли, и люди в его глазах, вероятно, вообще не могли быть «маленькими». Быть может, весь секрет заключается в том, что Чехов изображал не «маленьких» людей, а то, что мешало им быть большими, — изображал и обобщал маленькое в людях.

Русский роман, вообще дочеховская русская литература преисполнены сознания ответственности и общественного долга, она нравоучительна и серьезна. Умное озорство Чехова похоже на шалость, какую может позволить себе потомок и наследник по отношению к своим строгим, мудрым, увенчанным лаврами предкам. Быть может, Чехов не просто продолжил то, что уже было в русской литературе — юмор Гоголя, сатиру Салтыкова-Щедрина, но дал нам то, чего до него не было: культуру смеха, просветляющего слишком серьезный, угрюмый взгляд на жизнь.

У Чехова была природная склонность к острословию, он любил и умел создавать фразы, западающие в память. «Тираны и деспоты вы, мужчины, но как вы хитры и прекрасны!» «Незнакомая девица похожа на закупоренную склянку с неизвестной жидкостью — попробовал бы, да страшно: а вдруг там яд?» «Если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству».

«Блохи охотнее кушают дам, чем мужчин. Последнее зависит не столько от качеств той или другой крови, сколько от приспособленности женских костюмов к удобнейшему расквартированию насекомых: просторно и вместе с тем уютно.»

В жизни Чехов высоко ценил хорошую шутку, любил и умел озорничать, не поддавался хандре. Он хотел, чтобы веселость стала стилем жизни, русской в целом и его собственной в частности, хотя его жизнь ни легкой, ни веселой никогда не была. «Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, хотя знавал его в плохие периоды его болезни. Там, где находился Чехов, царили шутка, смех и даже шалость», — писал Бунин.

«В Ялте тоже воют собаки, гудят самовары и трубы в печах, но так как я раз в месяц принимаю касторовое масло, то всё это на меня не действует. Скажи матери, что как бы ни вели себя собаки и самовары, всё равно после лета должна быть зима, после молодости старость, за счастьем несчастье и наоборот; человек не может быть всю жизнь здоров и весел, его всегда ожидают потери, он не может уберечься от смерти, хотя бы был Александром Македонским, — и надо быть ко всему готовым и ко всему относиться как к неизбежно необходимому, как это ни грустно. Надо только, по мере сил, исполнять свой долг — и больше ничего.»

Чехов А. П. Письмо Чеховой М. П., 13 ноября 1898 г. Ялта

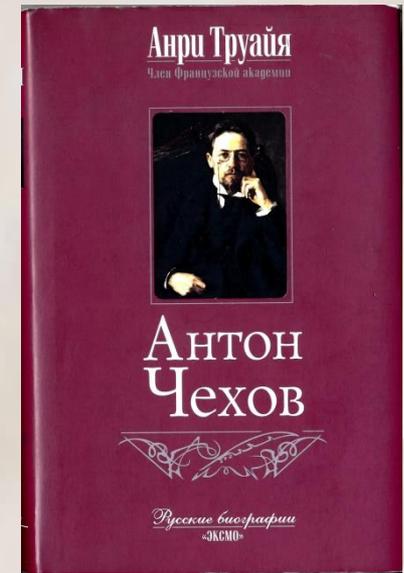
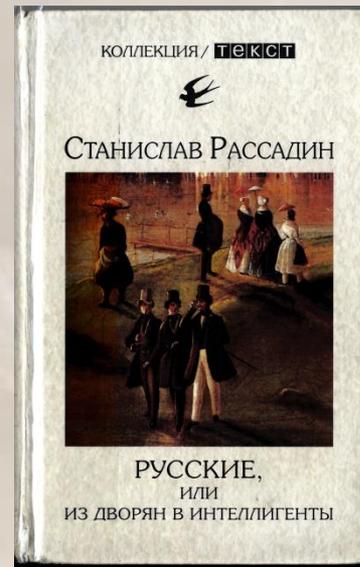
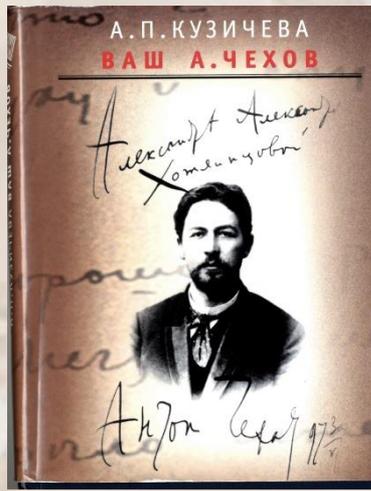
«Возможно, литература не имеет особого прикладного значения и ее дидактическая отдача очень невелика, но почему-то кажется, насколько меньше пролито крови и совершено несправедливостей, насколько больше сделано добра, насколько любовнее мы по отношению к нашей земле и друг к другу из-за того, что над русской жизнью затеплен неугасимый огонек – Чехов».

*«...Он говорит о том, как нынче из земли,
Еще лишенной трав, чернеющей и влажной,
Тюльпаны ранние вдруг поднялись отважно,
О том, как яблони роскошно зацвели;*

*И ласка грустная прищуренного взгляда
Обводит с нежностью и свет, и тени сада.
Тенистый старый сад... Он так любил его!..
Он слушал в нем весны живое колдовство,
Он в нем творил и жил...»*

Т. Щепкина-Куперник

- Громов Михаил. «Чехов»
- Рассадин Станислав. «Русские, или Из дворян в интеллигенты»
- Труайя Анри. «Чехов»
- Пьецух Вячеслав. «Рассуждения о писателях»
- Загидулина Марина, Толстая Елена. «Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. – «Знамя», 20003, №4